

В.К. Дебогори-Мокриевич

Воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.К. Дебогори-Мокриевич**
Воспоминания / В.К. Дебогори-Мокриевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
527 с.

ISBN 978-5-517-97807-3

ISBN 978-5-517-97807-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

беннымъ не отличался: книги были самыя заурядныя. Нецензурныхъ изданій у насъ не было. Если я припомню, что кievскій университетъ обладалъ прекрасной бібліотекой и лекторіей, гдѣ всякій студентъ могъ безвозмездно пользоваться книгами и газетами, то заведеніе нашей бібліотеки прійдется объяснить ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ имѣть во что бы то ни стало свою собственную бібліотеку, въ которой можно было бы хозяйничать безконтрольно. Иногда намъ казалось, что полиція и жандармы слѣдятъ за нашей бібліотекой; это насъ очень интриговало, возбуждало интересъ. Въ такія минуты бібліотека со своею объемистой стратегіей пріобрѣтала въ нашихъ глазахъ уже совсѣмъ цѣнное значеніе.

Я и три товарища занимали комнату сосѣдною съ бібліотекой; впрочемъ, нерѣдко число жильцовъ у насъ увеличивалось и доходило до восьми человекъ. Нашъ квартирный хозяинъ, Зименко, былъ простой добродушный старикъ, не вмѣшивавшійся ни во что; онъ зналъ, что въ концѣ мѣсяца получить за комнату восемь рублей серебромъ и до остальнаго ему не было никакого дѣла; два, четыре или семь человекъ жило въ комнатѣ — ему было все равно; онъ одинаково исполнялъ свои обязанности по отношенію къ жильцамъ, сводившіяся впрочемъ къ тому чтобы утромъ подать самоваръ.

„Ки-и-пить!. Подается... Подается... Кипить!.

Пора вставать, чай распивать!

Чай китайскіе, — ромы ямайскіе!“

Такъ выкрикивалъ онъ по утрамъ, внося самоваръ въ полутемныя сѣнчки, служившіе у насъ вмѣсто передней. Иногда къ этому речитативу онъ прибавлялъ еще слѣдующее: „табаки раскуривать!“ Мы дѣйствительно послѣ этого вставали и принимались за „табаки“ и за чай, — безъ рому впрочемъ — такъ какъ на ромъ у насъ не хватало денегъ. Мы были бѣдны и едва-едва перебивались.

Надо сказать, что среди кievскаго студенчества съ самыхъ отдаленныхъ временъ царствовала бѣдность; обь

этомъ можно было судить по разсказамъ и множеству ходившихъ анекдотовъ изъ студенческой жизни, въ которыхъ между прочимъ бѣднякъ-студентъ выступалъ обыкновенно въ симпатичныхъ роляхъ. Подобные анекдоты настолько были распространены, что у меня за долго до поступления въ университетъ студенчество съ бѣдностью связывалось въ такія же два неразрывныя представленія, какъ теперь связано у меня представленіе о фармацевтахъ съ духами или пахучимъ мыломъ. Студентъ почти что бравировалъ своею бѣдностью; она составляла своего рода шикъ; если у кого даже и имѣлись средства, то это не показывалось; простая, ни въ какомъ случаѣ не щегольская одежда — являлась признакомъ студенческой порядочности: надъ франтами смѣялись открыто; такъ, помню, подняли на смѣхъ одного, явившагося въ студенческую столовую съ кольцами на рукахъ. Впрочемъ франты наши держались въ сторонѣ и не посѣщали собраній. Студенческая масса въ большинствѣ состояла изъ бѣдняковъ: сыновей мелкихъ помѣщиковъ, разночинцевъ. Общая нужда вызвала организаціи кассъ и кухмистерскихъ, вызвала сожителства товарищескими кружками или, какъ ихъ иногда называли, коммунами и пріучала людей дѣлиться другъ съ другомъ послѣдними грошами. Такимъ образомъ студенческая жизнь представляла какъ нельзя болѣе благопріятныя условія для распространенія социалистическихъ ученій, ибо, очевидно, принять ученіе, отвергавшее личную собственность, легче всего было тому, у кого собственности не было и кто обладалъ еще соотвѣтственнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Отсутствие денежныхъ счетовъ и товарищескій дѣлежъ другъ съ другомъ, имѣвшіе мѣсто въ студенческихъ кружкахъ, не только сохранились впоследствии, но еще шире вошли въ употребленіе въ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ, придавши имъ ту особую высоко-нравственную окраску, какую далеко не могутъ похвалиться многія организаціи.

Выше упомянуто было, что среди кievскаго студенчества въ 69-мъ году стали устраиваться литературные

кружки. Въ подобномъ кружкѣ, состоявшемъ изъ семи-восьми человекъ, принималъ участіе и я. Мы собирались одинъ разъ въ недѣлю, читали что нибудь и послѣ того бесѣдовали по поводу прочитаннаго. Мы преслѣдовали цѣль саморазвитія. Правда, среди насъ часто поднимались разговоры о предстоящей общественной дѣятельности, но въ этомъ отношеніи нами не принималось никакихъ практическихъ рѣшеній и мы разсматривали вопросъ лишь съ теоретической стороны. Мы считали себя обязанными въ будущемъ работать для пользы и блага народа, но далеко не предрѣшали заранѣе средствъ и путей, посредствомъ которыхъ надѣялись достигнуть этой задачи. Было бы очень трудно, однако, возстановить теперь все то, о чемъ мы бесѣдовали тогда, что читали и какъ высказывались по поводу того либо иного вопроса; въ настоящее время многія подробности совершенно изгладились изъ моей памяти. Я не могу припомнить ничего характернаго, выдающагося; не помню, что бы на меня произвело сильное впечатлѣніе или глубоко взволновало какое нибудь событіе, или какая либо книга. Все шло какъ то спокойно, обыденно. Будущая моя общественная дѣятельность рисовалась мнѣ смутно, неопредѣленно. Такъ дѣло стояло до 1871 года, когда, наконецъ, данъ былъ толчекъ, направившій окончательно мою жизнь по извѣстному пути.

Въ 1871 году въ Москвѣ разбиралось такъ называемое нечаевское дѣло, и отчеты о немъ печатались, — если не измѣняетъ мнѣ память — въ Правительственномъ Вѣстникѣ. Я жилъ тогда въ Лукѣ, и мы съ Иваномъ слѣдили очень акуратно за этимъ процессомъ, возбудившемъ у насъ странныя, почти противорѣчивыя чувства. Дѣло, представлявшееся дутымъ и несерьезнымъ, паталкивало въ тоже время на цѣлый рядъ весьма важныхъ размышленій. Большинство подеудимыхъ оказывалось простымъ орудіемъ въ рукахъ Нечаева, которому удалось избѣжать суда, скрывшись за границу. Но если показанія подеудимыхъ съ одной стороны и раскрывали передъ публикой нѣкоторыя непривлекательныя стороны

дѣла и въ частности поведенія самого Печаева, прибѣгавшаго къ мистификаціи и обману своихъ товарищей, — то съ другой стороны, эти же подеудимые указывали на нужду и страданія народной массы, какъ на единственную причину, побудившую ихъ принять участіе въ заговорѣ. Смѣлое поведеніе на судѣ Успенскаго и Прыжова, двухъ главныхъ обвиняемыхъ, окончательно завоевывало симпатіи къ нимъ, дѣлая изъ нихъ мучениковъ за народъ. Конечно, можно было не соглашаться и спорить противъ пути, избраннаго ими для достиженія народнаго блага, можно было находить его даже ложнымъ, но съ нравственной стороны они были всецѣло правы, такъ какъ дѣйствовали согласно со своими убѣжденіями и не отступали передъ препятствіями; болѣе того — они не задумывались пожертвовать своей жизнью ради дѣла, въ которое вѣрили. Это горячее отношеніе къ дѣлу, это самопожертвованіе составляло положительную сторону нечаевцевъ и невольно звало къ подражанію. Народъ нашъ дѣйствительно нуждался и страдалъ; это я видѣлъ собственными глазами. Для добычи куска хлѣба онъ работастъ съ ранняго утра до вечера, отъ зари до зари съ небольшими перерывами для обѣда; и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ до самой смерти. У него нѣтъ времени для образованія или чтенія, нѣтъ досуга для развлеченій. Ужасная жизнь!.. И всякій честный чловѣкъ дѣйствительно долженъ работать на пользу этого несчастнаго, замученнаго народа. Вотъ это то стремленіе, шевелившееся раньше гдѣ то на днѣ души, было окончательно пробуждено во мнѣ нечаевскимъ процессомъ. Но что именно надо было дѣлать и какого пути держаться я все таки не зналъ. И въ этомъ вопросѣ Иванъ явился моимъ учителемъ.

„Наши общественныя условія очень не хороши, говорилъ онъ, а такъ какъ всякій чловѣкъ подчиняется вліянію окружающихъ обстоятельствъ, то даже хорошіе люди, полавши съ университетскою скамьи въ пошлую жизнь, скоро деморализуются подъ вліяніемъ среды и мало по малу превращаются въ чиновниковъ, или въ пу-

стыхъ фразеровъ, неспособныхъ отстаять свои убѣжденія. Всякій порядочный юноша, пока въ университетѣ, мечтаетъ быть полезнымъ народу, но, окончивъ университетъ и поступивъ на службу, забываетъ обо всемъ. Подобному превращенію подвергаются все. Поэтому, раньше чѣмъ говорить о дѣятельности для народа, мы должны застраховать себя тѣмъ или другимъ способомъ отъ такого превращенія, должны позаботиться о сохраненіи своихъ убѣжденій и нравственной чистоты. А это возможно лишь при томъ условіи, когда мы совершенно удалимся изъ деморализующей среды, откажемся отъ привилегированной жизни и станемъ жить, какъ живетъ народъ. Мы должны отказаться отъ всего, что можетъ насъ деморализовать. Далѣе Иванъ принялся развивать ту идею, что зарабатывать хлѣбъ нравственно только физическимъ трудомъ, какъ зарабатываютъ его наши крестьяне, что всякій интеллигентный трудъ въ сущности есть эксплуатація народа и что по этому единственное, чѣмъ мы должны заниматься, это земледѣльство. Для этой цѣли Иванъ предлагалъ устроить земледѣльческую коммуны. Но такъ какъ наше правительство, по его мнѣнію, станетъ преслѣдовать коммуны и, однимъ словомъ, осуществить подобное предпріятіе въ Россіи невозможно, то поэтому намъ ничего другого не остается, какъ переселиться въ Америку.

Разсужденія Ивана казались мнѣ логичными на столько, что я не могъ подыскать на нихъ возраженій. Однако въ душѣ моей закончилась тяжелая чувства, и я нѣкоторое время находился въ подавленномъ состояніи, не зная на чемъ остановиться и какое принять рѣшеніе: мнѣ жалко было бросать родину, жалко было разставаться съ Иваномъ, котораго я очень любилъ. Онъ со мной говорилъ такимъ категорическимъ тономъ, какъ будто вѣхалъ въ Америку сію минуту.

Иванъ видимо подмѣтилъ эту борьбу во мнѣ и принялся смягчать впечатлѣніе, вызванное его первыми беседами.

„Переселеніе въ Америку и устройство тамъ земле-

дальнейшей коммуны вовсе не исключает возможности работать въ Россіи, говорилъ онъ. Напротивъ, это представитъ даже большія удобства. Поселившись въ Америкѣ и сдѣлавшись американскими гражданами, мы безбоязненно можемъ прѣзжать потомъ въ Россію и пропагандировать наши идеи: американское гражданство защититъ насъ отъ нападкѣй со стороны русскихъ властей.“

Коммуна наша въ Америкѣ будетъ такимъ образомъ представлять изъ себя что то въ родѣ сборнаго пункта или върѣе такого центрального учрежденія, изъ котораго мы будемъ черпать наши силы: въ ней мы будемъ находить свою нравственную опору, она же будетъ снабжать насъ деньгами для развѣздовъ.

На сколько могли быть практически осуществимы подобныя переезды изъ одной части свѣта въ другую, или какъ это защитило бы насъ американское гражданство отъ преслѣдованій русскихъ властей и тому подобныя вопросы оставались далеко не выясненными, тѣмъ не менѣе я мало по малу примирился съ проектомъ переселенія и сдѣлался „американцемъ“.

Надо сказать, что въ концѣ 60-ыхъ годовъ многіе усматривали въ что необыкновенно привлекательное въ американской жизни и учрежденіяхъ и ѣздили туда. Къ числу такихъ принадлежалъ между прочимъ одинъ нашъ родственникъ, мечтавшій устроить коммуны въ Америкѣ и съ этой цѣлью посетившій эту страну; отъ него то Иванъ и позаимствовалъ свой проектъ. Но въ данномъ случаѣ интересно было то, что мысль о переселеніи, въ основаніи которой лежитъ почти всегда разочарованіе, воспринята была людьми далеко не разочарованными и вѣрившими въ свои силы.

Кореннымъ зломъ существующаго строя являлась, по нашему мнѣнію, личная собственность, поэтому основной нашъ принципъ былъ: отрицаніе личной собственности. Въ виду послѣдовательности мы не допускали ее прежде всего въ своемъ „американскомъ“ кружкѣ. Мы признавали равноправность членовъ безъ различія половъ; считали честнымъ средствомъ заработка только

физическій трудъ, почему и находили его обязательнымъ для всякаго члена коммуны. Въ дебатахъ и разсужденіяхъ о равноправности мы логически пришли къ требованію извѣстнаго умственного ценза отъ членовъ нашей коммуны. Фактическаго равенства не могло существовать при сильной разницѣ въ развитіи, а коноводство въ коммунахъ не должно было допускаться ни подъ какимъ видомъ. Отрицательное отношеніе къ коноводству установилось главнымъ образомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ печальскаго процесса. Печальскъ, требовавшій отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія себѣ, вызвалъ у насъ неблагопріятныя чувства.

Помню вліянія, какое, по нашей теоріи, мы должны были оказывать на окружающихъ людей своимъ примѣромъ, т. е. жизнью въ коммунахъ, — въ программу свою мы вводили еще пропаганду словомъ. Последнее собственно и вдохновляло насъ, составляя одну изъ существенныхъ задачъ нашей организаціи и дѣлая ее мало похожею на тѣ проекты выселенія въ Америку, какихъ не мало было до и послѣ того и которые въ большинствѣ случаевъ задавались цѣлями несравненно болѣе скромными. Мы были коммунистами, такъ сказать, воинствующими; мечтали покрыть земледѣльческими коммунами, подобными нашей, чуть ли не весь міръ; наша пропаганда должна была разноситься всюду: въ Америку, въ Европу, въ особенности же, конечно, въ Россію. Намъ казалось, что подобная пропаганда будетъ имѣть успѣхъ среди русскаго народа: повсюду начнутъ устраиваться земледѣльческія коммуны, уничтожится мало по малу эксплуатация однихъ людей другими и восторжествуетъ, наконецъ, правда на землѣ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы принялись за пропаганду нашего „американизма“ прежде всего, конечно въ томъ литературномъ кружкѣ, членомъ котораго я состоялъ. Тутъ сразу обнаружилась разногласія. Мы, „американцы“, признавали физическій трудъ обязательнымъ для всякаго; большинство членовъ кружка высказалось противъ этого мнѣнія; только двое примкнули къ намъ, съ

остальными же мы разошлись, и между нами, какъ это часто бываетъ у русскихъ, послѣ того установились почти враждебныя отношенія. Мы, однако, не пришли въ уныніе отъ этого неполнаго успѣха и съ юношескимъ пыломъ кинулись на розыски и вербовку людей подъ свое знамя. Унывать въ то время было мудрено. Среди университетской молодежи то и дѣло выростали новые кружки; по разнымъ угламъ Кіева устраивались всевозможныя ассоціаціи: тутъ вѣсела выѣзжающая швейной мастерской, организованной на кооперативныхъ началахъ, тамъ была прачечная или сапожная. Правда, эти ассоціаціи также быстро разрушались, какъ и создавались, но отъ этого мало измѣнялось положеніе дѣлъ: жизнь была ключемъ.

Исходя изъ того взгляда, что дипломы деморализуютъ людей, давая возможность занимать привилегированныя положенія, я рѣшилъ бросить университетъ. Впрочемъ, все равно мнѣ было бы некогда посѣщать лекціи: я состоялъ членомъ нѣсколькихъ литературныхъ кружковъ и все время тратилъ на пропаганду американизма, шатаюсь съ одного собранія на другое.

Въ пропагандѣ и поискахъ за новыми членами, мы натолкнулись въ Кіевѣ на кружокъ, занимающійся распространеніемъ среди молодежи книгъ извѣстнаго характера, какъ напримѣръ: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, „Азбука социальныхъ наукъ“, сочиненія Ласалы и т. п. Этотъ кружокъ находился въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ такого же направленія, впоследствии получившаго названіе „Чайковцевъ“. Вышеупомянутый кіевскій кружокъ всѣми силами старался препятствовать успѣху американизма среди молодежи. Но едва ли не самымъ яркимъ нашимъ противникомъ явился тогда Каблецъ. Покойный Каблецъ, бывший сотрудникъ „Недѣли“, въ то отдаленное время состоялъ вольнослушателемъ въ кіевскомъ университетѣ и пользовался репутаціей одного изъ самыхъ крайнихъ радикаловъ и революціонеровъ. Съ нимъ то у насъ и происходили стычки. Онъ былъ страшно горячій спорщикъ

и, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми не въ мѣру горячими въ спорахъ, не хотѣлъ признать справедливымъ ни одного изъ нашихъ положеній, возражая намъ рѣшительно противъ всего. Мы говорили о пропагандѣ и дѣятельности среди народа; онъ противопоставлялъ этому работу въ правительственныхъ сферахъ и толковалъ объ облагодѣтельствованіи народа сверху, путемъ декретовъ и реформъ. Его мы называли въ шутку „царистомъ“, такъ какъ свои воззрѣнія онъ однажды формулировалъ такою фразою: „Александръ I, Николай I, Александръ II, Чернышевскій I“; при последнемъ имени онъ очень схибно улыбнулся, находя аргументъ неопровержимымъ. Но насъ трудно было запугать именами и мы возражали, что и Чернышевскій, ставши царемъ, не сдѣлаетъ для народа больше того, что дѣлаетъ всякій другой царь. Этотъ взглядъ у насъ вытекалъ изъ того положенія, что всякій человѣкъ есть результатъ окружающихъ обстоятельствъ и въ данномъ случаѣ мы сводили вопросъ все къ той же деморализаціи, которая, по нашимъ понятіямъ, должна была постигнуть и Чернышевскаго, разъ бы онъ попалъ въ деморализующую среду.

Нужно сказать, что къ программамъ, толковавшимъ объ облагодѣльствованіи народа сверху путемъ декретовъ, молодежь относилась въ то время крайне неодобрительно, равно какъ и ко всякаго рода централистическимъ теоріямъ и стремленіямъ. Въ частности къ централистическимъ организаціямъ отрицательное отношеніе установилось послѣ Нечаевского процесса. Всѣмъ порицалось поведеніе Нечаева, какъ оно вышло на судъ, тщательно скрывавшаго свои поступки отъ товарищей по дѣлу и державшему ихъ въ полномъ невѣдѣніи относительно своихъ намѣреній. Слово „нечаевщина“ сдѣлалось нарицательнымъ и стало употребляться въ тѣхъ случаяхъ, когда желали обозначить какую либо дутую загѣю, построенную на обманѣ товарищей. „Да въдь это нечаевщина!“ восклицали часто въ спорахъ по поводу какогонибудь мнѣнія или поступка извѣстнаго характера; подобное подведеніе подъ одну катего-

рію съ „нещасливою“ являлось однимъ изъ вѣскажъ аргументовъ противъ. Съ понятіемъ о централистическо-й организаціи связывалось представленіе о безконтрольности, а, слѣдовательно, и о полномъ просторѣ для обмана. Людей слабыхъ характеромъ, поддающихся вліянію другихъ, обзывали иѣзиками; тѣхъ, что стремились коноводить — генералами; надъ первыми смѣялись, вторыхъ не любили и какъ однихъ, такъ и другихъ считали для дѣла вредными. На повиновеніе и дисциплину организаціонную смотрѣли нехорошо; послѣднее доходило у нѣкоторыхъ до такой степени, что они склонны были отрицать какую бы то ни было организаціонную попытку. Выработка устава или установленіе какихъ либо правилъ многими встрѣчалось очень недружелюбно; подчиняться правиламъ — значило признавать дисциплину. — „А!.. Понадобился уставчикъ!?“ съ прошепкой вклищали на собраніи кто либо изъ присутствующихъ, и стоило подчасъ немалыхъ усилій, что бы принять былъ хоть слабенькій „уставчикъ“.

Изъ книгъ, пользовавшихся популярностью среди молодежи, болѣе другихъ читались по кружкамъ сочиненія Милля, „Политическая Экономія“ и „Объ Утилитаризмѣ“, „Историческія Шпесма Миртова“, первый томъ Лассаля. Особенно характерной, нахожу я, роль, которую играла эти послѣдняя книга; изъ Лассаля мы черпали аргументы въ пользу нашихъ народническихъ воззрѣній, не смотря на то, что Лассаль, говоря въ своей книгѣ о рабочихъ, всюду разумѣетъ только фабричный пролетаріатъ, а ничуть не крестьянъ, на которыхъ въ другомъ мѣстѣ прямо указываетъ, какъ на элементъ реакціонный постольку, поскольку они (во время такъ называемыхъ крестьянскихъ войнъ въ Германіи) старались повернуть назадъ колесо исторіи. Этимъ существеннымъ разнорѣчіемъ мы игнорировали тогда и все то, что Лассаль говорилъ о рабочемъ сословіи переносили на наше крестьянство, являвшееся для насъ нашимъ „обездоленнымъ четвертымъ сословіемъ“. Мы особенно близко къ сердцу принимали разсужденія Лассаля о томъ, что ра-